

Частный детектив
Татьяна Иванова

МАРИНА СЕРОВА

КОГОТОК
УВЯЗ...

ВЕРБ

Марина С. Серова
Коготок увяз...
Серия «Частный детектив
Татьяна Иванова»

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=181102
Коготок увяз...: Эксмо; М.: 2006
ISBN 5-699-18268-3

Аннотация

В городе ЧП – в школьном саду задушен золотой цепочкой старшеклассник. Частный детектив Татьяна Иванова, по просьбе родителей взявшаяся за расследование, убеждена: одноклассники многое знают, но упорно молчат – видно, каждому из них есть что скрывать. Сыщица, с трудом вызвав подростков на откровенность, узнает о деловых отношениях юноши со взрослым соседом по лестничной площадке. Татьяна решает навестить этого человека, но находит только его мертвое изуродованное тело...

Содержание

* * *	4
Глава 1	6
Глава 2	23
Глава 3	44
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Марина Серова

Коготок увяз...

Они шли по школьному двору. Честно говоря, ему совсем не хотелось идти к Борису. Так сильно, что он охотно бы развернулся и пошел в другую сторону.

В школьном дворе, кроме них, никого не было. В отдалении, на стадионе, раздавался лай собак. Да на территории сада, где стояли лавки, были слышны звуки смеха. Там собралась компания. Компания... Он подумал с тоской о том, что скоро придет зима. Еще одна бессмысленная, нищая и холодная зима.

– Подожди, – сказал ему спутник.

Он остановился. Спутник смотрел в ту сторону, откуда из кустов доносились странные звуки. Ладно, подумал он, закуривая сигарету, подожду...

Спутник ушел в сторону кустов. Ушел – и пропал. Как не было...

Звуки, доносящиеся из кустов, стали громче. Он услышал довольный смех своего спутника. Кажется, там вовсю идет веселье, ухмыльнулся он, живо представив себе картину этого «веселья».

Взглянул на часы. Было уже начало десятого. Скоро мать начнет волноваться...

Спутник не возвращался. Тогда он решил сам прогуляться туда, где пропал этот индюк...

Подошел к кустам. Сначала увиденное вызвало у него улыбку.

Несколько мужиков и одна шлюха. Довольно любопытно. Он уже был готов засмеяться.

Но смех застрял в горле костью. Он сглотнул.

– Валька... – простонал он. Поймал брошенный на него непонимающий взгляд спутника. И, нащупав в кармане цепочку, сжал ее в руке.

Глава 1

Я проснулась поздно. То есть сначала мне показалось, что еще совсем рано. В комнате царил полумрак. Примерно около восьми, подумала я и сладко потянулась в кровати. Но, посмотрев на часы, убедилась, к собственному ужасу, что уже десять часов утра! Боже ты мой, Татьяна, а дела? А работа?

Уф... Сегодня никаких дел и никакой работы у меня не будет... Сегодняшний день указом Татьяны Ивановой лично для Татьяны же Ивановой объявлен выходным... А значит, можно продолжить блаженно возлежать под мягким пуховым одеялом и не торопиться. Я вытянулась как кошка и едва не замурыкала от переполнявшего меня чувства блаженства. Боже, как хорошо... Как чудесно принадлежать целый день только себе, одной себе – любимой и все понимающей!

Даже тот неопровержимо гадкий факт, что погода была серой, а за окнами моросил дождь, только радовал. В солнечный день хочется пойти прогуляться, а, прогуливаясь, рискуешь напороться на очередное приключение. У меня просто дар попадать во всевозможные переплеты. Я твердо убеждена, что, выйдя на улицу, обязательно вляпаюсь в историю. Наверняка на моих глазах произойдет мощная бандитская разборка с перестрелками, плавно переходящими в гранатометание. Или случится ограбление века, причем я окажусь единственным свидетелем. Или повстречается старый знако-

мый, который только что узнал, что его собираются убить. Значит, придется забыть про выходной и посвятить весь день спасению. А так как, по моему твердому убеждению, приключения, как и беда, одни стараются не ходить, жди продолжений в том же духе. В течение долгого времени о выходных тогда и не мечтай...

А в дождливую погоду...

В дождь идти на прогулку глупо, посему человек огражден от нелепых встреч и дурацких приключений... Сиди дома, пей кофе, смотри фильмы. Вон сколько нераспечатанных видеокассет накопилось. А еще любимые фильмы, которые уже целую вечность намеревалась повторно посмотреть. И планы на сегодняшний светлый денек мы строить не будем. Как сложится, так и сложится!

А если все же пойти на прогулку? Вовсе не обязательно, что такое же нелепое желание посетит твоего знакомого с криминальными проблемами...

Нет, лучше все-таки от прогулок воздержаться. Дома хорошо, спокойно, уютно. Впереди – целый день... Есть ли что-нибудь более радостное?

От приятных размышлений меня оторвал телефонный звонок. Я подумала, не отключить ли его вообще, но вспомнила, что сегодня должен позвонить Мельников, потому как обещал взять мне билеты на джазовый фестиваль. А на джазовый фестиваль я хотела очень сильно. Конечно, могла бы и сама о билетах позаботиться, но, раз уж сам Андрюшка вы-

звался, я с радостью приняла его предложение. Терпеть не могу стоять в очереди. Даже за билетами. И вот расплата – стала телефонной заложницей. Теперь я привязана к нему, не могу его отключить и вынуждена поднимать трубку каждый раз, когда ему вздумается издать свою призывную трель. А он – навязчивый тип. Я бы даже назвала его беспардонным и наглым. Вздохнув, поплелась к телефону. Для этого мне пришлось проститься с прекрасным лежбищем и очутиться в реальности холода. Когда у нас затопят-то? Я поежилась, быстро накинула теплый купальный халат и подбежала к настойчивому телефону.

– Алло?

– Петро? – услышала я раскатистый бас. – Ты чего не идешь?

Я вздрогнула. Меня никогда не называли Петром, даже в самых страшных снах. Но глас звучал начальственно. Я почувствовала приступ вины за то, что я никакой не Петро, идти никуда сегодня не собираюсь, а зовут меня Татьяной. И Петра здесь нет и никогда не было. Причем зарекаться не могу, но отчего-то мне думается, что его здесь и не будет.

Однако эта тирада была бы наверняка слишком длинной и недоступной для понимания моего абонента. Поэтому я решила быть вежливой и лаконичной.

– Вы не туда попали... – сообщила я. На другом конце провода немного подумали, потом недовольно изрекли:

– Как это не туда?

Я почувствовала себя еще более виноватой. Как будто нарочно постаралась устроить так, чтобы они не туда попали. Убила Петра, заняла его телефон и теперь вот злорадствую.

– Да вот так, – разозлилась я. – Не туда...

Извинений не последовало, трубку рассерженно бросили, как будто некая Т.Иванова несправедливыми путями завладела жилищем и телефонным номером некоего не пришедшего в нужное место Петра. Конечно. И не придет. Да ладно. Мой принцип – на дураков не обижаюсь. Поэтому я попыталась вернуться к счастливому состоянию. «Сегодня у меня выходной», – напомнила я себе. И полетела на крыльях радости в кухню, где занялась приготовлением восхитительного кофе... Вы никогда не замечали, как улучшается настроение от ароматного кофе? Я даже читала в каком-то журнале, что с утра нужно обязательно выпить чашечку кофе или съесть плитку шоколада. Тогда сразу повышается тонус... Кофе тихонько фыркал в джезве, я вдыхала его пряный аромат, и тут телефон зазвонил опять. Сначала я решила его проигнорировать. Но он так вопил, будто у него случился приступ подагры. Или истерики. Или... В общем, выдерживать его вопли мог только глухой. Или человек с железными нервами. Я бросилась на его отчаянный призыв, забыв про кофе.

– Петро? – опять раздался голос в трубке, на этот раз женский. – Петро, Василь Николаич ругается. Приходи...

– Вы не туда попали, – процедила я сквозь зубы.

Трубку опять повесили, забыв про извинения. Я верну-

лась на кухню. Мой кофе, устав напрасно меня ждать, конечно, вытек из джезвы и заполнил все пространство плиты грязно-коричневыми потеками. Мне стало так обидно, что я почувствовала себя соляным столбиком. Я не могла ругаться. Кричать. Я даже не смогла всплакнуть. Присела на краешек стула и пообещала себе больше не реагировать на звонки.

Ладно – сиди не сиди, а кофе по-прежнему хотелось. Я вытерла плиту и опять начала заниматься тайнодействием его приготовления. Телефонный звонок, конечно, не преминул снова ворваться в мою жизнь. Ну, а как же? Я мстительно улыбнулась. Дождалась, пока кофейная пенка начала подниматься. Только после десятого звонка я подошла к аппарату и сняла трубку.

– Але? – проквакала я голосом беззубой и впавшей в маразм старушки. Мучители растерялись.

– А... Нам бы Петра?

– А нетути, – продолжала я, – съехал в Израиль...

– Как так в Израиль? Он же вроде русский.

– Обманывал, зараза, – перешла я на зычный бас брошенной супруги неведомого, но ставшего мне близким за сегодняшнее утро Петра.

– Извините, – озадаченно протянул мой доселе невежливый абонент.

Кажется, я от них отвязалась! Опьяненная победой, напевая победную песнь, поспешила навстречу блаженным ми-

нутам. Включила магнитофон и приготовилась вкушать наслаждение. Первый глоток кофе помог мне оживиться. Подумаешь, телефонный звонок! День только начинается... День, исполненный радости и ликования. День неограниченной свободы... Господи, как хорошо, что я назначила себе этот выходной!

И тут проклятый телефон зазвонил снова...

* * *

Меня охватило отчаяние. Я посмотрела на ненавистный аппарат. Надо ж было ему раззвониться именно сегодня! Кажется, я наконец-то поняла смысл слов «несовершенство мира»... Когда назначаешь себе выходной, готовишься к радостям наступающего праздника, и в это время твой телефон начинает вести себя до такой степени бестактно и невыносимо, что все летит в тартарары. Гад надрывался, как обезумевший оратор на митинге левых радикалов. Он звонил, звонил, звонил... Я подошла, сняла трубку и свирепо заорала в трубку:

– Алло!

Если меня сейчас опять примут за Петра, я стану маньячкой! Буду преследовать всех Петров! Буду убивать их, мучить, терроризировать! Не знаю, что я буду с ними делать еще, но ничего хорошего им обещать не могу!

Сначала на другом конце провода растерянно помолчали.

Потом я услышала осторожный Иркин голос:

– Тань... Я не вовремя?

Я облегченно вздохнула. Слава богу, это не Петра. Это Ирка Мельникова. Сейчас скажет, купил ли ее муж Андрюшка билеты на фестиваль, и я смогу отключить проклятую дребезжалку!

– Вовремя, – вздохнула я, – меня просто достал какой-то тип...

– А, – вздохнула облегченно Ирка, – это не туда попадали, да?

Я подтвердила Иркино предположение. Мы немного повозмущались нерадивыми абонентами, неправильно набирающими номер и забывающими извиниться. Потом я спросила о билетах. Ирка ничего не знала. Она перешла к делу очень осторожно, спросив сначала:

– Тань, у тебя как со временем? Ты очень сегодня занята будешь?

Я уже расслабилась. Отчего-то я решила, что Ирка хочет забежать ко мне в гости. А посидеть за чашечкой кофе, наслаждаясь моментом общения, всегда приятно.

– Выходной, – радостно объявила я, – сегодня мы решили, что сыщик Иванова нуждается в отдыхе!

– Тань, – голос Ирки стал просящим, – у Андрюшки сегодня работы полно, причем Марью к нему не приведешь, а мне из школы позвонили. Там ЧП какое-то... Бабушки все разбежались. Можно, я тебе Марью подкину? На два часа

всего, Тань!

Я сразу прочувствовала весь ужас своего положения. Отказать я, естественно, никак не могу. Это смертельно обидит Ирку, а через нее обида перекинется на Андрея. Мне ничего не скажут, но сама-то я все время буду чувствовать себя неудобно. В конце-то концов, Андрей постоянно приходит на помощь. Когда бы ты к нему ни обратился... Но сидеть с младенцем? Я даже не знаю, как это делается! Дети – существа непонятные и нежные... Надо постоянно следить за языком. Один мой знакомый, например, не сдержавшись, произнес при одной пятилетней девице слова «ешкин кот». И что вы думаете? Сей кот девице до того понравился, что она начала вставлять этого «ешкиного кота» во все свои изречения и умозаключения. Вдруг я тоже осчастливилю детское сознание каким-нибудь не совсем приличным словом?

Конечно, надо быть сдержанной... Но как я смогу сдерживаться, если опять начнут разыскивать в моей квартире неизвестного Петра? Наверняка сгоряча разражусь ругательствами и непривычными для детских ушей словами. А потом прибегут Мельниковы с требованием объяснить, откуда их ангелочек познал такие недетские выражения...

Хотя Мельниковы не прибегут... Они люди спокойные, неспособные к экстремизму.

Но ведь могут и прибежать!

И потом, если честно, я не представляю, чем можно развлечь пятилетнее дитя. Сказки? А какие они теперь читают

сказки? Я подозреваю, что у них теперь совершенно другие сказки... Да я и своих детских сказок уже не помню. Про что я могу рассказать? Про маньяков?

«Однажды бедная девушка вышла прогуляться вечером по улице, чтобы заработать немножко денежек, и тут налетел черный ветер, утащил девушку в подворотню, где, скаля зубы и сверкая ножами, на бедняжечку напал сексуальный маньяк...»

Да уж... Вряд ли подходящий сюжет для сказочки...

– Она самостоятельная, – продолжала уговаривать Ирка, – ты же знаешь! Тебе с ней будет легко!

Я вздохнула. Делать было нечего. Мне пришлось смириться с необходимостью провести некоторое время в детском обществе. В конце концов, во всем есть свои плюсы...

– Приводи, – уныло согласилась я.

– Спасибо, Танечка, – неумеренно возликовала Ирка, – через полчаса мы придем!

Я положила трубку и уставилась на остывший кофе. Да уж, у меня вечно с выходными выходит прокол! Может быть, в этом знак провидения? И отдых мне противопоказан?

Я начинала думать, что все именно так и обстоит. Наверное, на небесах вышел указ: «Татьяне Ивановой не отдыхать! У нее от этого происходит разжижение мозгов, а ей данная болезнь особенно повредит. К тому же означенная Иванова может подвергнуться пагубному обаянию лени и вообще расхотеть работать, прельстившись негой и покоем».

И летает несчастный ангел-хранитель в постоянной заботе – помешать Татьяне устроить себе выходной. Представив себе эту картину, я фыркнула.

Ладно. Значит, у меня такая судьба. А с судьбой можно только смириться... Пока же судьба милосердно подарила мне некоторое время на чашку кофе. И за это я ей весьма благодарна...

* * *

Ирка привела свое чадо уже через полчаса. Оно тащило в ручках огромный пакет. Похоже, в планы ребенка входило долгое пребывание в моем жилище. Марья окинула меня оценивающим взглядом не по годам умных голубых глаз и решила, что я ничего. Терпеть можно. Ирка печально посмотрела на нее и спросила, собирается ли она здороваться. Марья подумала и решила, что легче сделать требуемое, чем выслушивать занудные воспитательные речи. Она буркнула: «Привет!» И прошла в комнату.

Ирка беспомощно развела руками:

– Что с ней делать, ума не приложу...

Я еще меньше представляла себе, что можно сделать с Марьей. К тому же я полагаю, что, если ребенку чего-то не хочется делать, пусть не делает. Я бы тоже возмутилась, если бы кто-нибудь начал требовать от меня выполнения своих желаний. Наверное, из-за моего врожденного анархизма мне

нельзя доверять воспитание детей. Я выращу целую плеяду знаменитых бандитов, рядом с именами которых померкнут такие имена, как Аль Капоне и Диллинджер.

– Тань, спасибо, что ты согласилась... – благодарно улыбнулась Ирка, – а то вызвали в школу, а ее оставить не с кем...

– А что случилось-то? – поинтересовалась я. – Почему вас так спешно собирают?

– У нас там что-то жуткое произошло. Завучиха ничего толком не объяснила. Она в истерике. Двух слов спокойно произнести не в состоянии... – Ирка вздохнула: – Я сбегаю, узнаю, в чем дело, и вернусь, ладно?

Можно подумать, что я зверь. Сейчас вот зарычу, затопаю ногами или еще хлеще поступлю: выкину несчастное дитя с пакетом на улицу, под дождь. Пусть до Иркиного возвращения милостыню собирает и песни жалостные голосит!

Конечно, я милостиво разрешила Ирке сбежать в школу, выяснить, почто ее вытащили из кровати и вынудили подкидывать родное дитя в чужие руки, и закрыла за Ирккой дверь.

Пройдя в комнату, я увидела, что Марья вытряхивает на мой диван из пакета кучу собачек в черных пятнах. Собачки были и резиновые, и плюшевые... Их было такое количество, что я застыла. Заметив мое изумление, Марья подняла на меня глаза и объяснила:

– Далматины... У меня пятнадцати не хватает...

– До чего не хватает? – осведомилась я.

– До ста одного, – терпеливо продолжила объяснение Ма-

рья и поинтересовалась: – У тебя мультики есть?

Мультиков у меня не было. Я задумалась, можно ли выдать за мультик «Криминальное чтиво»? В конце концов, Тарантино – большой ребенок. У него и образования-то три класса... Может, он Марье понравится? Во мне забрезжила хрупкая надежда.

– У меня нет мультиков, – призналась я, – зато у меня есть классный фильм.

Я включила магнитофон. Марья посмотрела на экран и разочарованно протянула:

– Фу... Я «Чтиво» раз сто смотрела...

Так. Пятилетнее дитя, оказывается, уже знакомо со взрослыми фильмами. Я почесала в затылке.

– Но я могу и в сто первый посмотреть, – милостиво позволила Марья. – А у тебя нет «Отчаянного»? Или «Дестини включает радио»?

Кошмар. Похоже, Мельников растит мне замену. Дитя умудрилось развить свой интеллект до умопомрачительных высот. Во всяком случае, в свои пять лет она переплюнула в развитии многих тридцатилетних.

– Нет, у меня этих фильмов нет.

– Ну, ничего. Скоро начнется «Черный Плащ»... А ты, папа говорил, работаешь «Черным Плащом». Да?

Однако какой же Мельников гад... Я, значит, работаю уткой... Ну, Андрюшенька, я тебе это припомню.

– Нет, – обиделась я, – я работаю сыщиком. Знаешь, что

это такое?

Она кивнула и повторила:

– Черным Плащом... Я же говорю.

Прешираться с Марьей было бесполезно. Пускай я работаю уткой. Я согласилась. Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало.

Мы занялись своими делами. Я пила кофе, Марья тянула сок и расставляла в строгом порядке далматинов. Обе мы делали вид, что смотрим фильм. Нас обеих вполне устраивало, что мы предоставляем друг другу свободу. Оказывается, некоторые дети терпеть не могут, когда к ним пристают с дурацкими вопросами.

У меня улучшилось настроение. Два часа пролетели незаметно. Ирка позвонила через два этих часа и спросила:

– Тань, как там мое чудовище?

«Чудовище» в это время мирно поедало сосиски и ничего ужасного не творило. Я задумалась, как оно может себя чувствовать в момент потребления не очень здоровой, но весьма вкусной пищи, и решила, что «чудовище» выглядит весьма довольным, о чем и сообщила несчастной матери. Она облегченно вздохнула:

– Она тебя не замучила?

– Скорее я ее, – ответила я. Ирка опять вздохнула и сообщила:

– У нас тут кошмар... Приеду, расскажу... Сейчас не до этого. Тань, продержишься еще часок?

Я поняла, что ничего другого мне делать и не остается. У Ирки неприятности. Придется держаться.

* * *

Как я и предполагала, часок постепенно перерос в три. Около девяти в дверях возникла расстроенная Ирка и извиняющимся голосом пролепетала, что раньше вырваться не могла. Заброшенное родителями «чудовище» уже мирно посапывало на моем «сексодроме». Ирка поцеловала ее в лобик, отчего дочь поморщилась во сне, а ее мать приземлилась на табуретку в кухне с видом усталого путника, прошедшего пешком до Индии и обратно.

– Дай кофе, – попросила она. – Кстати, Андрюшка взял билеты на фестиваль...

– Взял?! – Я обрадовалась. Я уже лет сто не бывала в свете. Этак и засохнуть можно. А джаз всегда являлся предметом моей тайной, порочной страсти.

– Через неделю, – сообщила Ирка ответ на мой немой вопрос, когда же состоится радостное событие. Я была готова издать победное «yes!!!», но побоялась, что Марью уличат в дурном влиянии на тетю Таню Иванову. Поэтому промолчала. Сделала вид, что очень взрослая тетя Таня по-детски никогда не визжит.

Я налила Ирке кофе и спросила:

– Ну, и что у вас случилось? Ученики подожгли школу?

– Хуже, – махнула рукой Ирка. – Паренька убили. В школьном дворе. Утром нашли задушенным...

Я замолчала. Шутить как-то сразу расхотелось. Я представила мальчика, и мне стало совсем тошно.

– Как? – спросила я.

Ирка пожала плечами:

– Цепочкой, – ответила она, – задушили позолоченной цепью... Она валялась рядом. А на шее – следы от нее... – Она вздохнула, прикрыв ладонью глаза.

– Такой кошмар, Тань!

– Его ограбили? – спросила я.

– Ограбили.

– Что взяли?

– Деньги. Три тысячи.

– Откуда у школьника такие деньги? – присвистнула я удивленно.

– Он должен был расплатиться за компьютерные курсы. И нес туда деньги. Ровно три тысячи.

– Вечером?

– Ну, да... А что?

– Во сколько?

– Около девяти, – пожала она плечами.

– Какие же около девяти курсы?

Она не знала. Мысль об этом не приходила ей в голову. Да и я чего лезу? Не мое это дело... У меня выходной!

Ирка отхлебнула кофе и грустно посмотрела в окно. Ко-

нечно, настроение у нее было в полном апсайddaуне... Я-то хоть мальчика не знала, а ей какво?

– Кошмар, – зажмурилась она, встряхнув головой, как человек, желающий проснуться.

Я попросила ее рассказать поподробнее. Она покачала головой:

– Да, в общем-то, ничего больше не известно. Менты понаехали, допросы проводят. Дети в полной растерянности. На Володиных родителей смотреть страшно... А кто это сделал? Почему? Так жестоко... Парень-то был чудо, Танечка... Добрый. Умница. Красивый.

Она опять вздохнула. Кажется, мои вопросы были лишними. Ей и так хотелось плакать. Я прекратила приставать к ней. Хотя дело не выходило у меня из головы. Почему-то мне казалось, что я непременно должна сунуть в него свой нос.

Хотя бы потому, что мне надоели полудурки, уверенные в собственной безнаказанности. Жажда убивать ради денег отвратительна. За тридцать сребреников или три тысячи деревянных... Какая разница?

Ирка разбудила Марью. Марья поворчала, но позволила себя одеть. Они собрались уходить.

– Ирин, ты дай родителям мальчика мой телефон, – попросила я ее на прощание, – может быть, я смогу им помочь.

Ирка кивнула:

– Хорошо. Я посоветую им обратиться к тебе за помощью. Хотя дело-то легкое. С ним и опер справится. Детский во-

прос у нас решается быстро.

– Что-то я сомневаюсь, – сказала я, – опер найдет левого крайнего. И вряд ли этот левый будет существом, способным к самозащите.

– Да нет, – Ирка махнула рукой, – они уже собачников опрашивают. Тех, которые вечерами на школьном стадионе собак выгуливают. Должны же они были видеть что-то подозрительное...

Они ушли. Я осталась наконец-то в блаженном одиночестве. И поняла, что без Марьи грустно. Надо будет как-нибудь еще взять ее у родителей. Когда назначу себе следующий выходной...

Глава 2

Два дня я честно зарабатывала деньги, пытаюсь выяснить, кто ходит в любовниках у жены крупного оптовика. К концу второго дня я уже могла с твердостью сообщить ему, что подозрения беспочвенны. Я с самого начала с трудом могла представить себе глупую толстушку со смазанным, бесформенным личиком в роли распутной гетеры. Такая домашняя тетечка, ей-богу, никаким образом не тянула на Клеопатру. А она уходила к подружке и честно просиживала там, не отлучаясь к младым красавцам ни на секунду. Предоставив лысенькому толстячку свой отчет и получив гонорар, я шла домой по проспекту и предвкушала отдых. Мысли о том, чтобы опять взять к себе Марью, потеряли актуальность. Я мечтала о покое, музыке и полном одиночестве. В моем теперешнем настроении возня с ребенком была бы не в радость. Даже с очаровательной умницей Марьей...

Я пришла домой и включила телевизор. Деньги были, самоудовлетворение тоже – поскольку, если бы не я, здоровая семья распалась бы. Ревнивый оптовик начисто отравлял бедняжке-жене существование.

Вечер обещал много приятного. Я даже зажмурилась от удовольствия.

В это время в мою дверь позвонили. Я никого не ждала так поздно. Осторожность не входила в манеру моего обыч-

ного поведения, но сейчас было десять вечера. Я подошла к двери и посмотрела в «глазок». Иногда мне непонятна его функция, ибо через него даже самая приличная физиономия смотрится как отвратительная бандитская рожа. Поэтому я плюнула на сие оборонительное средство и распахнула дверь настежь.

На пороге стоял приятный мужчина лет сорока пяти с ухоженной небольшой бородой и весьма симпатичным лицом.

– Ради бога, простите, что я так поздно, – сказал он. – Мне нужна Татьяна Иванова.

– Это я, – сообщила я новость, о которой он и сам, наверное, уже догадался.

– Меня к вам направила Ирина Сергеевна Мельникова, – робко произнес мой поздний гость, – меня зовут Александр Борисович Пономарев. Я – отец Володи...

Я все поняла. Вспомнила про Ирку, о происшествии в ее школе и пропустила гостя в дом:

– Проходите.

Похоже, выходного на сей раз опять не будет. Что же за проклятие тяготеет над моими выходными?

* * *

Александр Борисович выглядел нерешительным и смущенным. Конечно, он был раздавлен свалившимся на него горем, но, будучи человеком мужественным, успешно скры-

вал это, сохраняя достоинство. Мне он сразу понравился. В нем чувствовались доброта и интеллигентность, а эти качества в последнее время начали превращаться в своеобразный раритет. Скоро мы начнем гордиться последними, чудом уцелевшими образцами этой породы человечества.

Он присел на краешек кресла и нерешительно начал:

– Я бы никогда не решился побеспокоить вас, Танюша, но Ирина Сергеевна сказала, что вы сами попросили ее дать нам ваш номер телефона и адрес... Вы, кстати, извините, что я ворвался к вам без звонка. Не хочу, чтобы Люсенька знала, что я решил прибегнуть к вашей помощи...

Боже мой! Сколько извинений за поступок, который меня даже не обеспокоил! Поистине, этот добрый человек не заслужил свалившегося несчастья... Мне стало его жалко. Впрочем, я постаралась не показывать своих чувств. Таких людей жалость унижает. Поэтому я изобразила из себя великого циника и сказала:

– Я привычная, не беспокойтесь... Хотите кофе?

Он робко вскинул на меня растерянные глаза и кивнул:

– Не откажусь.

Я вышла в кухню. Заварила кофе и, пока он варился, привела свои чувства в порядок. Мне было его СЛИШКОМ жаль. В моей работе это непозволительно. Сколько раз клиент оказывался преступником. Но здесь я чувствовала великодушную мужественность и сдержанность. Не удивлюсь, если, зайдя в комнату неожиданно, я застаю его плачущим. А

он сделает вид, что это в глаз попало что-то. Таких людей я встречала нечасто...

Когда я вернулась с подносом в руках, он смотрел в окно. Я осторожно поставила поднос с изящными чашечками на журнальный столик и присела на край дивана. Он меня не замечал. Кажется, он ушел в то время, когда его сын был еще жив. Я не рисковала возвращать его. Зачем? Пусть побудет там еще немного...

Наконец он заметил мое присутствие и обернулся. Я указала подбородком на чашечки с кофе. Он поблагодарил меня и присел рядом.

– Знаете, Таня, никогда не думал, что меня постигнет такая судьба, – вздохнул он. – Каждому человеку отчего-то кажется, что беды и несчастья его обойдут стороной. Что неожиданная смерть может прийти к кому угодно: к соседу, к другу, – но не к тебе... А она приходит... Прямо к тебе, в твой дом. Да еще так жестоко вырывает тебя из мира собственных иллюзий. И что с этим поделать, не знаешь... Даже предложить ей обмен – свою жизнь в обмен на...

Он замолчал и судорожно глотнул воздух. Я положила на его руку свою ладонь. Мне хотелось помочь ему, но вернуть ребенка я не могла... Увы. Иногда мне и самой жалко, что я всего лишь Таня Иванова, а не Господь Бог...

– Расскажите о вашем мальчике, – попросила я.

– Так вы возьметесь за это? – посмотрел он на меня. Я кивнула:

– Конечно, возьмусь...

– А ваш гонорар...

– Двести в сутки, но для вас я могу уменьшить.

Зря я это сказала. Он поморщился. Он не хотел никаких снисхождений.

– Я в состоянии выплатить вам именно такую сумму. Последнее время я работаю в приличной фирме, и деньги перестали быть в нашей семье проблемой. А если учесть, что причиной гибели Володи стали именно они, я теперь ненавижу их. Поэтому давайте договоримся, что вы не станете делать мне поблажек...

Я кивнула. Он не нуждался в моем снисхождении. И это тоже было его несомненным плюсом.

– Подскажите, с чего мне начать? – Он посмотрел на меня глазами растерявшегося ребенка.

– Ну, во-первых, банальный вопрос – были ли у вашего сына враги? Как к нему относились одноклассники? Ровесники? Были ли друзья? Девушка? Он контактен? И кто знал, что в этот день он пойдет с деньгами?

– Недоброжелатели у него, конечно, были... Он был очень неординарный мальчик... Умный, добрый. И жил по каким-то своим законам. Для него, Таня, не существовало оракула в виде общественного мнения. Он был нонконформистом. Но я думаю, его недоброжелатели никогда не пошли бы на убийство... Это ведь подростки. Им всем только семнадцать...

Конечно, я могла бы рассказать ему о девочке этого возраста, нанявшей киллеров, чтобы убить собственную мамочку. Или о тех несовершеннолетних насильниках, делом которых приходилось недавно заниматься Андрюше Мельникову. Все они отличались примерным поведением в школе. Ангелочки, одним словом. Эти «ангелочки» убили девочку восьми лет. Им как раз стукнуло пятнадцать. Чей-то день рождения отмечали...

Но я предпочту оставить моего гостя в наивной уверенности, что дети чисты и невинны. Что они неспособны на убийство...

– А деньги, – продолжал он, – все знали, что он должен отдать за вечерние компьютерные курсы. Все одноклассники.

Так. Значит, начинать надо именно с одноклассников. Кто-то мог все-таки увлечься денежным вопросом. Сумма-то немаленькая для школьников. Сколько можно позволить себе лишних жвачек и сигарет! Ладно, Иванова, кончай свое старческое брюзжание! Сейчас пойдут воспоминания, какими мы были...

– Итак, весь класс был в курсе, что Володе нужно отдать деньги за курсы...

– Да, это так. Но никто из ребят не мог этого сделать, Таня! Милиция их проверяла. У всех было алиби. И потом – на них и подумать нельзя! Может быть, они немного сложные – спорить трудно... Но убить? Что вы, Танюша! Я и подумать об этом не могу...

Я тоже не могла об этом спокойно подумать. Но иногда жизни, реальной и беспощадной, абсолютно наплевать, сможем мы спокойно обдумать тот или иной парадокс, преподнесенный нам с ехидной улыбкой, или нет. Она просто его преподносит. А наше дело – осмелиться обдумать все.

– Александр Борисович, расскажите, что произошло в тот день. Желательно с подробностями.

Я понимала, что воспоминание о последнем дне жизни сына может превратиться в пытку для человека, только что потерявшего его. Но эти чертовы подробности бывают иногда необходимы. Можно зацепиться за кусочек фразы, брошенной невзначай, и вытащить на свет божий огромный скелетище... Поэтому приходится иногда заставлять человека мучиться...

Он задумался.

– С самого утра? – спросил он меня.

Я кивнула:

– Желательно.

– Утром... Мы позавтракали, потом он взял деньги, переговорил с Сашей по телефону...

– Кто такой Саша? – перебила я его.

– Саша – это его девушка.

– Понятно...

Пока мне, правда, ничего особо понятно не было. Но я продолжала слушать.

– Так вот, он поговорил с Сашей, они договорились, что

он сейчас за ней зайдет... Потом он взял деньги, поцеловал мать на прощание, пообещал не задерживаться и вышел...

Он подумал немного и сказал:

– Кажется, ничего примечательного не было. Зацепиться вам ведь не за что?

– А вы не ищите специально, – попросила я, – просто рассказывайте... Например, что он сказал Саше.

– Я не слушал их разговор, – покачал он головой, – вам лучше поговорить с ней.

– Обязательно, – сказала я.

– Так вот, – продолжал мой посетитель, – ничего подозрительного в этот день не было... А вот накануне, я вспомнил... Он говорил с кем-то по телефону. Очень резко. Прозвучала такая фраза: «Ты хоть понимаешь, в какую гадость ты влип?»

Я посмотрела на него с интересом:

– И вы не поинтересовались, о чем он говорил?

– Мне тогда не пришло это в голову... Я даже не знаю, с кем он вел разговор...

Ладно, намотаем на ус. Кто-то из знакомых Володи вляпался в историю. Конечно, это может быть обычная подростковая неприятность, но сбрасывать со счетов все возможные варианты не следует.

– Ваши отношения с сыном были достаточно открытыми? – поинтересовалась я.

– В каком смысле? – Мой гость очень удивился моему во-

прошу. Наверное, вопрос откровенности в их семье не поднимался.

– В том, что у Володи могли быть от вас какие-то серьезные тайны?

– Только если это касалось другого человека, – пожал он плечами, – сами понимаете, элементарная порядочность не позволяет открывать чужие секреты...

А жаль. Мне вот только и приходится, что наступать на горло элементарной порядочности. Я вечно лезу в чужие детские шкафчики. Просто хлебом меня не корми, а дай взглянуть, что там хозяева запрятали этакого?

– Значит, сам Володя поделился бы с вами неприятностями личного характера...

Мой гость кивнул:

– Конечно... С матерью нет, но со мной он привык быть откровенным.

Значит, мать в зону откровенности не входила. Интересно.

– Конфликты с матерью у Володи были?

Он замялся. Говорить о жене ему не очень хотелось.

– Видите ли, Танечка, наша Люсенька человек нездоровый... Иногда на нее находит странное состояние, когда лучше...

Он замолчал. Но мне было понятно. Я вполне могла завершить фразу: «Когда лучше держаться от нее на расстоянии...»

Он просидел у меня долго. К двенадцати часам я уже знала о Володе так много, что могла бы написать его биографию. Нормальный парнишка, очень хороший и честный. Влюбленный в компьютеры и мечтающий стать дизайнером. Мне такие люди симпатичны. Они знают, зачем живут, но при этом не выпендриваются. И не пляшут под оглушительные звуки блатной. И хороводной, которую выплясывает большинство.

Когда мой гость ушел, я смогла написать в блокноте несколько интересующих меня имен и теперь сидела задумчиво, вычерчивая карандашом между ними пунктирные линии. Как будто в этих линиях могло появиться лицо того человека, которому существование в мире гармоничного юноши помешало настолько, что он взял позолоченную цепочку и задушил нормального, полноценного человека!

Лицо не получалось. Я посмотрела на свои магические кости и взяла их в руки. Иногда я делаю это по привычке. Даже не задаю вопрос. Просто их вид действует на меня успокаивающе. Я перекатывала их на ладони и задумчиво смотрела на двенадцать граней с белыми точками.

Отчего-то я чувствовала, что за убийством Володи стоит что-то гораздо более символичное, чем простое ограбление. Я еще не могла дать ответ полностью. Но тот, кто это

сделал, был полной антитезой Володиной Личности. А значит, я должна искать среди тех людей, которых можно назвать «серыми кардинальчиками». Увы, Танюша... Таких-то у нас большинство... Ослепнешь от серости, высматривая нужный смазанный абрис...

Не ослепну, улыбнулась я. Очки надену черные. Так найду быстрее... Чем парадоксальнее, тем интересней.

* * *

Я бросила взгляд на магические косточки. Они мирно покоились в моих ладонях. Что ж, иногда я действительно не могу обойтись без ваших советов... Я кинула их на столик. Они покатались и замерли у самого края.

«6+20+27». «Необходима осмотрительность в вашем поведении».

Кажется, я и так осмотрительна. Но примем к сведению этот совет. Тем более что они желают мне добра...

Какая все-таки загадочная игра! Сколько раз именно эти кубики подсказывали мне верное решение проблем! Или это мое подсознание подталкивается ими к верным выводам? Не знаю... Магия чисел загадочна. Но от ее притяжения никуда не деться. Она завораживает. Магия чисел – магнит...

Я встала и подошла к окну. За темной стеной ночи угадывался дождь. Настроение у меня было мрачное. Проклятый «детский вопрос» не давал мне покоя...

Стоп, Таня! Володя Пономарев был уже сложившейся личностью... Относясь к нему как к ребенку, ты совершишь ошибку. Помни о том, что в любом «детском вопросе» есть доля истины...

Кстати, о «детских вопросах»... Какой вопрос мне задала Марья? Я не помню. Но мне кажется, что-то в этом вопросе подталкивало к разгадке Володиной гибели. Вот башка дырявая! Взрослые ужасно легкомысленны. Они часто пропускают мимо ушей важные вещи. Ладно, будем надеяться, что мой приступ склероза закончится побыстрее. И я вспомню, о чем спросила меня Марья.

Если это действительно важно, моя память выбросит его в сознание в нужный момент...

* * *

Утро подействовало на меня отвратительно... Дождь явно не собирался лишать нас своего общества. От выходного я, можно сказать, отказалась по доброй воле. Через час меня будет ждать Ирина Сергеевна Мельникова. Во вверенном ей классе, где учился Володя Пономарев. И придется Танечке совершить романтическую прогулку под дождем, даже если ей этого не хочется...

Я начала одеваться. Сварила обязательный кофе... Говорят, он вреден. Впрочем, жить тоже вредно. От этого постоянно умирают... Еще не было такого случая, чтобы жизнь

была без летального исхода. Даже Иисусу Христу пришлось сначала умереть, а уж потом стать бессмертным... Однако и мысли же у вас, Татьяна! А чего вы, собственно, хотите, Танечка, когда за окнами серый цвет взял реванш над остальными? А вы идете в школу, в которой только что был убит парнишка, не сделавший никому ничего плохого. Летальный исход настиг его несправедливо рано. Мне это никогда не нравилось. Дети должны жить дольше родителей. А деньги никогда не стоили человеческой жизни. Поэтому мы встанем, выйдем из дома и отправимся в дождливую неизвестность серого дня.

Я вышла из дома через полчаса. До Иркиной школы можно было дойти пешком. Раскрыть зонт мне помешал какой-то летучий подросток, толкнувший меня плечом. Я даже не успела возмутиться. Он уже растаял в воздухе, но осталось довольно неприятное впечатление от его торчащих ушей и шмыгающего носа. Бросив вслед его нескладной фигуре взгляд суровой и оскорбленной добродетели, я раскрыла зонт и двинулась в сторону школы.

* * *

Школа была огорожена высоким забором. Наверное, директор этой школы раньше работал в колонии для несовершеннолетних.

Оставалось, правда, непонятно, почему он не окутал за-

бор колючей проволокой и не пропустил по ней ток. Так уж было бы вернее. Чтобы ученики не разбежались.

Выходов из концентрационной школы было только два. Один вел через стадион, а второй соприкасался с подземным переходом.

В переходе были перебиты все лампочки, и оставалось только догадываться, какими же путями выбирается из засады вторая смена – ведь кончают они уже в глухой темноте! Даже я, со своими познаниями в айкидо, не рискнула бы шагать по темному подземному переходу, где воздух был намертво пропитан запахом дешевого портвейна и дармовой мочи. Люди, собирающиеся коротать здесь долгие зимние вечера, явно не были образцами подражания для подрастающего поколения.

Впрочем, детей нужно готовить к суровой реальности будней. Может быть, ночные походы через подземный переход были частью педагогической программы местного Ушинского.

Я пробралась через переход и вышла в пустынный школьный двор. Дети учились. Во дворе царил тишина, и она мне тоже не нравилась. Рядом со школой торчал несуразный памятник «железному» Феликсу. Впрочем, и сам-то Дзержинский был фигурой несуразной, так что памятник отличался реалистичностью. Скошенным глазом Феликс наблюдал, не сбежит ли кто из этого отдела? Я почувствовала себя подследственной. Сразу захотелось оправдаться. Но я сдержалась.

лась. Все-таки я здесь по делу. А вы, уважаемый, именно вот вы и стали бы бесценным свидетелем, ежели б не были столь вызывающе немым...

Можно, конечно, поиграть с вами в Командора, но я-то хорошо помню, чем кончилась история с Дон Гуаном. Общаться с вами, даже каменным, мне неохота. Вдруг вы надумаете заявиться ко мне в гости?

Это предположение меня немного развеселило. Представить себе лицо моей соседки, повстречавшей на лестницедвигающийся по направлению ко мне памятник, было довольно забавно.

Я вошла в школу. Погруженная в тишину школа приняла меня холодно. И не приветливо.

Но мне было не до реверансов. Я поднялась на третий этаж. Именно там Ирина Сергеевна пыталась объяснить юному человечеству необходимость литературы.

Найдя нужный кабинет, я постучала. Из-за двери был хорошо слышен Иркин голос. Она объясняла подросткам суть Платонова учения. Странно... Я и не подозревала, что дети в современных школах, кроме компьютерной премудрости, изучают древних философов. Или это Иркино светлое начинание?

Интересно, они что-нибудь поняли о катарсисе? Могут ли они вообще что-то о нем понять?

Достаточно ли им близко очищение через страдания? Мне верилось в это с трудом. Пока их жизнь напоминает пти-

чью. Радости чисто физические. Познание жизни. Соответственно интерес к ней... Они еще не успели устать. Зачем же Иринка мучает их Платоном и его катарсисом?

* * *

Ирка оказалась достойной женой следователя. Впустив в класс, она усадила меня на заднюю парту. После этого продолжила разговор, плавно перейдя на вопрос жизни и смерти. Естественно, взглянув на меня, перевела разговор на Володю Пономарева.

Она предложила каждому вспомнить о нем и рассказать случай из жизни, с ним связанный. Дети старались. Они напряженно вспоминали, говорили, рассказывали... Как будто добрая Ирина Сергеевна поставит им за воспоминания хорошую отметку по литературе. Однако именно таким образом уже через пятнадцать минут я знала не только имена его одноклассников, но и о самом Володе вполне могла составить четкое представление.

Ангелом он, слава богу, не был. Иногда умел зло подшутить. Над теми, кого считал идиотами. А идиотами он считал довольно многих.

Особенно меня интересовала Саша. Сначала я честно пялила глаза на самую красивую девочку в классе, справедливо полагая, что у Володи должна была быть именно такая подружка. Девочка была светловолосой и прелестной. Прав-

да, мне она показалась одной из тех, кого называют «спящая красавица». Она молчала, глядя с отсутствующим видом в окно. Рядом с ней сидела подружка. Маленькая и невзрачная. Глядя на нее, я вспомнила песенку Насти Полевой:

Я исполняю танец на цыпочках,
Который танцуют все девочки
Моего роста...

Хотя личико у нее было вполне миловидное. Глаза светились грустью, и наконец до меня дошло – именно такой должна быть Саша! С чего я решила, что Саша – это красавица, с тормозным видом обзирающая пространство за окном?

– Саша, – подтвердив мои мысли, обратилась к малышке Ирка, – ты нам ничего не расскажешь?

Малышка пожала плечами и проговорила:

– Мне бы очень хотелось узнать, кто его убил. А остальное я обсуждать не хочу.

Сказала она это ТАК, что я поняла – больше никто ничего не скажет. Маленькая Саша явно обладала в классе непререкаемым авторитетом. Что ж, попробуем попытаться счастья в конфиденциальной беседе.

Второй заинтересовавшей меня личностью был нескладный парень. Во время всеобщих воспоминаний о Володе сей отрок презрительно хмыкал, шевелил губами и явно неодобрительно косил глаза в мою сторону. Я его не просто раздражала. Я выводила его из себя. Ему хватило ума понять,

что «вечер воспоминаний» напрямую связан с моим присутствием в классе.

Несколько девиц всхлипывали, прижимая к глазам платочки. Саша кидала на них разгневанные взгляды. Девушки явно раздражали ее своим нарочитым плачем, который был неправдоподобен... Или лицемерен. Саша лицемеркой не была. Она мне нравилась с каждым взглядом на нее все сильнее. Маленькая и гордая. Явно умница. А самое главное – в ней ощущались внутренняя цельность и сила.

А это в современных детях редкое качество.

* * *

Я дождалась конца урока и подошла к ней. Она посмотрела на меня с любопытством.

– Вы – из милиции, – почти угадала она. Я отрицательно покачала головой:

– Нет, я – частная сыщица.

Она кивнула. Смерила меня оценивающим взглядом и одобрила. Я почувствовала себя польщенной. Честное слово, говорю это без иронии. Саша обладала притягательностью необычайной силы. Ей очень хотелось понравиться.

– Пойдемте в сад, – предложила она, – там и поговорим.

– Но ведь там дождь, – попыталась возразить я.

Она посмотрела в окно.

– Дождь кончился, – сообщила девушка, – здесь секут без-

жалостным оком. Как вы думаете, могу я вести серьезный разговор без сигареты?

Я догадалась, что это не в ее правилах. Пришлось смириться. Тем более что Саша никоим образом не подходила под общий эталон несовершеннолетней девицы.

Мы вышли как раз на то место, где нашли Володю. Там Саша положила на лавочку рюкзак и села, достав сигарету. Сначала она кинула взгляд в сторону школы, убедилась, что никто из учителей не бежит в ее сторону с брошюрами о вреде курения, и зажгла сигарету.

– Что вас интересует?

– Почти все, – призналась я.

– Во-первых, все я вам не расскажу, – предупредила она меня. – Если вы не тормоз, вы должны это понять. Наши с Володей отношения должны остаться личными.

– Согласна, – кивнула я.

– Вам нужно поговорить с Лешкой, – решительно сказала она, – этот придурок что-то скрывает. Они были одно время друзьями, но поругались. А недавно Лешка во что-то вляпался. Вместе со Светой Рябовой. Моей соседкой по парте. И Володя помогал им выпутываться. Только что там была за история, даже я не знаю. Мне ничего сказано не было. Светка плакала долго. И она считает, что Володю убили из-за этого.

– А какое отношение имеет Леша к Свете?

На меня посмотрели так, что я поняла: сейчас Саша обдумывает состояние моих умственных способностей. Потом

она решила быть снисходительной:

– Прямое. У него со Светой любовь.

Час от часу не легче! Почему Света избрала нескладного Лешу? Полная загадка. Или я, как выражается Саша, – «полный тормоз»?

Ладно. Саша посмотрела на меня и сказала:

– Я действительно не в курсе, что там была за история. Просто я знаю, что Володя дико нервничал. Кажется, даже кто-то с кем-то подрался. Я только один разговор слышала, да и то они постарались говорить завуалированно.

– Саша, – попросила я ее, – похоже, мне без твоей помощи не справиться. Сама понимаешь, ребята смогут рассказать тебе побольше.

– То есть я должна стать стукачкой? – Саша прищурилась. Господи, какой младой идиотизм!

– Нет, – поморщилась я, – никто не просит тебя стучать. Я прошу тебя помочь мне найти Володиных убийц. Ведь ты же сама этого сильно желаешь!

Она подумала и кивнула:

– Хорошо. Предположим. А почему вы считаете, что история, в которую попали Лешка со Светкой, имеет к этому отношение?

Господи, час от часу не легче! Я вдохнула в легкие побольше воздуха и терпеливо объяснила, что моя работа заключается в отработке всех возможных версий. Что, если бы я ухватывала то, что лежит на поверхности, и не пыталась ныр-

нуть поглубже, я бы работала опером в милиции, а не частным детективом. И посоветовала ей почитать Эрла Стэнли Гарднера.

Она сообщила, что начитанна. Но помочь постарается, несмотря на то, что мне тоже присуща гадкая снисходительность взрослого «тормоза». Я смирилась. «Тормоз» так «тормоз»... Молодому глазу видней.

Мы договорились, что с Лешей попытаюсь поговорить я сама. А она возьмет на себя Светку. Впрочем, и с означенной Светкой я тоже попытаюсь вначале поговорить. В общем, как получится. Я дала умненькому ребенку свой телефон и адрес и сообщила, что буду ждать ее вечером. Возможно, ей удастся прихватить с собой свою загадочную подругу.

Глава 3

– Слушай, Ирина, как ты с ними справляешься? – Мы сидели в школьной столовой, в углу которой была неумелая имитация бара для учителей. За стойкой возвышалась де-белая фигура буфетчицы. Она навалилась на хрупкую конструкцию мощной грудью, отчего я испытывала панический страх, что сейчас все это развалится со страшным грохотом и несчастная дама, столь легкомысленно повисшая на слабом сооружении, упадет с отчаянными воплями и дело может закончиться «неотложкой»!

Впрочем, конструкция, именуемая баром, к габаритам своей хозяйки привыкла и выдерживала ее со стоическим мужеством.

Бар отличался от столовой только цветом столов. Почему-то местный дизайнер решил, что, если перекрасить обычные обшарпанные столы в красный цвет, они сразу обретут более высокое значение. На столах хорошо виднелись исторические записи об умственных способностях некой Тани (искренне надеюсь, что это делала не Ирина Сергеевна Мельникова, а следовательно, сии анналы не задевали моего самолюбия); сообщение о равнодушии какого-то Руслана к какой-то Тамаре и прочие полезные сведения, без которых продержаться в наше смутное время прямо-таки невозможно.

Благодаря тому, что мы сидели в этом райском местечке в урочное время, народу там почти не было. Мы пили нечто, гордо именовавшееся кофе. Дать такое название этому напитку мог только идиот или отчаявшийся. Ирка рассказывала мне краткие биографии учеников.

– Не знаю, – пожав плечами, ответила она на мой вопрос, – привыкла.

– А что такое «тормоз»? – поинтересовалась я. Я в принципе догадывалась, но надо было утвердиться в подозрениях.

– Тебя так называли? – меланхолично поинтересовалась Ирка. Я кивнула. Ирка хмыкнула. И спросила: – Полным?

– Чего? – не поняла я.

– Называли тебя «полным тормозом»?

Я подумала и покачала головой:

– Не-а...

– Значит, у тебя не все потеряно, – успокоила меня Мельникова и, стоически улыбаясь, отхлебнула глоток мерзкой жидкости смутно-коричневого цвета.

Я поморщилась. Она опять улыбнулась и сказала:

– Совсем неплохой кофе. Пахнет клопами, как приличный коньяк.

Мне явно, как говорят, «поплохело». «Эти чертовы Мельниковы друг друга стоят», – подумала я мрачно. Ни слова нормального произнести не в состоянии. И Марья вобрала в себя их гадкий, хулиганский жаргон.

– Так что ты можешь сказать о Свете и Леше?

– Дети как дети, – пожала плечами Ирка, – у Лешки семья – полный привет. Мама – толстая леди, и, когда она появляется в школе, мне хочется спрятаться. Я ее, Танька, веришь ли, боюсь... А Светка даже в родственницы к этой фурии собирается. Самоубийца...

Она покачала головой.

– Чего же в бедной женщине такого ужасного?

– Не знаю, – честно призналась Ирка, – наверное, патологическая уверенность в собственной правоте. И ненависть... Знаешь, такая ненависть, перемешанная с завистью и обидой. Она, например, не выносит Володиного отца... Такое ощущение, впрочем, что она вообще любит только себя. И смертельно обижена на человечество за то, что оно не обеспечило ей желаемых условий жизни. Я таких женщин боюсь. Мне кажется, что я и вправду жутко виновата перед ними.

– А как ты тогда по улицам ходишь? – поинтересовалась я. – У нас большинство толстых и не очень теток отличаются именно теми качествами, которые ты описала мне только что своим талантливим злым язычком... Ты, наверное, по подъездам прячешься...

– На улице они меня не касаются... А если коснутся, можно отпарировать удар. А здесь... Приходится делать глупо-невинную рожу и терпеть, поддакивая... Бедный Лешка! Иногда мне его жалко. Представляешь – все время находиться под прессом?

Я кивнула. Я бы просто убила такую мамашу. И закопала бы в саду. Нет ничего невыносимее диктата глупости. Особенно уверенной в собственной непогрешимости.

– А что он сам собой представляет?

– Нормальный парень... Сложный, обидчивый. Этакая отечественная вариация на тему Стрэдлейтера...

– Какого Стрэдлейтера? – не поняла я.

– «Над пропастью во ржи»... Сотоварищ по комнате Холдена Колфилда... Помнишь, тот, который ужасно раздражал беднягу Холдена тем, что брился грязной бритвой и стриг ногти на ногах в его присутствии.

Я вспомнила Колфилда и поняла, что Ирка имела в виду. Но Стрэдлейтер был мерзкой личностью. Значит, его собрат тоже?

– Они все в этом возрасте такие, – меланхолично ответила Ирка, разглядывая ноготь на правой руке. – Ох, зараза, облупился... Просто их можно разделить на Колфилдов и Стрэдлейтеров... Колфилдов единицы. Особенно в нашем государстве. А Сэлинджер гениален. Правда? Жаль, что он удалился в свое гнездышко отшельника и ни фиги больше не пишет...

– Я поняла, в кого Марья такая умная, – высказалась я.

– Поздравляю, – улыбнулась Ирка, – а ты думала, что интеллектом она пошла в Мельникова? Вот и фигурки тебе... Интеллектуалка она в маму...

Мы решили, что она сейчас, используя служебное поло-

жение в моих корыстных целях, вызовет Лешу с урока и мы проведем суровую беседу.

Ирка испарилась в проеме обшарпанной двери, а я осталась наедине с толстой буфетчицей вдыхать запах кислой капусты...

Толстая буфетчица скучала. Ее взгляд рассеянно блуждал в пространстве и не выражал никаких эмоций, кроме великой вселенской тоски. Сначала она увлеченно рассматривала появившуюся на стойке муху. Отчего-то сразу вспомнился кадр из фильма Серджио Леоне «Однажды на Диком Западе». Буфетчица, впрочем, совсем не была похожа на ковбоя. Но, представив себе, как сия почтенная дама достает револьвер и лениво прихлопывает муху, я фыркнула. Она застыла. Ее настороженный взгляд явно показывал, что отсутствие револьвера я со своими бестактными смешками должна расценить как подарок судьбы.

Я начала подумывать, не дожидаться ли мне моего юного фигуранта в коридоре. Там все-таки нет буфетчицы, доводящей меня своим неумеренным любопытством до бешенства. Но тут он возник на пороге, смущенный и мрачный.

Близоруко прищурившись, определил, что его жду я, и попытался разыграть мрачного, прожженного Казанову, на смерть разочаровавшегося в сей брэнной земной юдоли.

Он присвистнул и подошел ко мне нарочито вальяжной походкой. Честно говоря, это выглядело немного смешно. Глаза смотрели настороженно, и в них невооруженным

взглядом был замечен испуг. «Чего же это мы так боимся? – подумала я. – Взрослую тетеньку? Или того, что эта самая тетенька – детектив?»

Он подошел и остановился передо мной, стараясь казаться взрослым и бесстрашным.

– Мне сказали, что вы желаете со мной пообщаться, – сказал Леша, присаживаясь на краешек стола. Буфетчица, явно незнакомая с американскими фильмами про разбитных ковбоев, округлила глаза и приготовилась издать возмущенный вопль. Мне, честно говоря, тоже не понравилась близость его задницы к моему, пусть даже омерзительному, кофе. Я смерила его с ног до головы самым холодным из моих холодных взглядов и кивнула.

– Сойди со стола, – бросила я, – я не очень-то часто общаюсь с памятниками...

Он хихикнул. Постарался изобразить изощренную галантность и перетащил свой организм на стул. Правда, попытался вытянуть длиннющие ноги, отчего я почувствовала необходимость уменьшиться в размерах. Делать этого мне не хотелось. Я предпочла тихо, но настойчиво попинать его носком туфли в колено. Он был вынужден признать, что я сильнее, и принял более нормальное положение. Не удержавшись от сладостного момента мести, я вытянула свои ноги и нагло посмотрела ему в глаза. Он неожиданно широко улыбнулся, и я поняла, что почти победила. Меня еще не приняли. Но, если поднапрячься, обязательно примут... В конце концов,

не так уж намного я их и старше...

Хотя... – я посмотрела на Лешу – принадлежу к другому поколению.

– Из-за чего могли убить Пономарева?

– Из-за женщины, – широко раскрыв глаза, заговорщицки прошептал Леша. И расхохотался.

Смех у него, правда, был ненатуральный. Я посмотрела ему в глаза и тихо сказала:

– Ничего смешного я отчего-то не вижу. Хотя говорят, что у меня все в порядке с чувством юмора. Впрочем, может быть, это ошибка.

– Увы! – развел он руками. – Людям свойственно ошибаться.

Последнюю фразу он подчеркнул, стараясь навести меня на мысль о моей тупости.

Я поднялась. Он меня разозлил.

– Что ж, считаю наш разговор законченным. Пока...

Он кивнул. А я-то надеялась, что мое обаяние растопит лед его подростковой недоверчивости!

– Подождите, – услышала я его голос и обернулась. – Я не хотел вас обидеть, – сказал он смущенно, – честное слово...

Что ж. Значит, не все потеряно. Мы сможем договориться. К людям, надолго и глубоко хранящим обиду, я, слава богу, не отношусь.

Поэтому вернулась.

Несмотря на то что Леша пытался выглядеть в моих глазах циничным и наглым, в его взгляде присутствовали напряженность и страх. Он был чертовски скован, этот пацан... Я пыталась понять его и не могла обнаружить зацепку, способную помочь установлению контакта.

Известие о том, что я частный детектив, его, правда, заинтриговало. Он посмотрел на меня с любопытством и прищипнул.

– Типа Лу Арчера? – уточнил он.

– Нет, – съязвила я, – типа мисс Марпл. Сам, что ли, не видишь?

Он хихикнул. Наверное, на мисс Марпл я не тянула по возрасту. Ничего, Иванова, у тебя еще все впереди. Останемся живыми, что проблематично при нашей-то работенке, и к глубокой старости, вооружившись непременным ридикулем, начнем шустрить уже в новом качестве...

Под Лешиним взглядом мне было неуютно. Он смотрел, прищурившись, как бы выясняя, сколько я чего стою и с чем меня едят... Гарнир для меня он явно подобрать затруднялся. Но мне-то от этого легче не было... Хотя, скорее всего, это была просто защитная реакция юного организма на попытку внедрения чужеродного тела с попыткой выяснения маленьких детских секретов...

– Так что вы хотели от меня узнать? – поинтересовался мой собеседник. – Я ничего не видел, не слышал и, простите, вашего Пономарева не убивал. Идиотизмом никогда не страдал...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.